

ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ

PROBLEMS OF ARCHAEOLOGY

Научная статья

УДК 903.2 (57)

doi: 10.17223/19988613/78/22

К вопросу о культурно-хронологической однородности комплекса Ближние Елбаны VII (по материалам Государственного Эрмитажа)

Александр Альбертович Казаков

Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия, kaa-2862@mail.ru

Аннотация. На основе анализа керамического комплекса из культурного слоя памятника Ближние Елбаны VII выдвигается гипотеза, согласно которой считавшийся ранее культурно-хронологически однородным материал, относящийся к фоминскому этапу кулайской культуры, подразделяется на два различных памятника. Первый представлен поселением, керамический комплекс которого относится к переходному, саровско-фоминскому типу, второй является более поздним погребально-поминальным комплексом, относящимся к фоминскому этапу кулайской культуры. Выделены основные признаки керамического комплекса фоминского этапа кулайской культуры. Пересмотрена в сторону незначительного омоложения (до начала–середины II в.) нижняя хронологическая граница фоминского этапа кулайской культуры.

Ключевые слова: поселение, могильник, керамика, лесостепной Алтай, хронология

Для цитирования: Казаков А.А. К вопросу о культурно-хронологической однородности комплекса Ближние Елбаны 7 (по материалам Государственного Эрмитажа) // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 78. С. 172–187. doi: 10.17223/19988613/78/22

Original article

On the Question of Cultural and Chronological Homogeneity of Blizhnie Elbany VII Complex (based on the State Hermitage Museum materials)

Alexander A. Kazakov

Barnaul Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Barnaul, Russian Federation, kaa-2862@mail.ru

Abstract. This work is aimed to analyze cultural and chronological complex of the Fominskii stage of the Kulaiskaya culture from the burial ground Blizhnie Elbany 7 (BE-7) on the basis of significantly expanded sources. It is the first publication of materials presented by fragments from 32 vessels from the cultural layer of BE-7 burial ground, which are stored in the State Hermitage Museum. The introduction of these sources into scientific circulation allowed to reconsider the materials of BE-7 site in a new way. The data on the average saturation of the cultural layer with finds from the Kulaiskaya culture settlements, the presence of remains of funeral feasts on other memorial and funeral monuments of the Fominskii stage of Kulaiskaya culture, the nature of the finds distribution in the cultural layer, led to a conclusion about the presence of the settlement complex on the site of BE-7. Previously considered as homogeneous, the complex was divided into 2 typologically and culturally-chronologically different monuments. The first is presented by the settlement, the materials of which are related to the transition from the Sarovskii to the Fominskii stage, the second – to chronologically later burial ground of the Fominskii stage of the Kulaiskaya culture. Based on the analysis of single-layer materials from the settlements, such as Soshnikov 1, Ust-Chumysh 1, Chudatskaya Gora, Malougrenevo 1, Yeniseiskoe, Biyskoe Gorodishche 2, Biyskoe gorodishche 4, Biyskoe gorodishche 6, Troitsk-1, Fominskoe, Malyi Itkul 1, Kislanskii Rybak-1, a comprehensive characteristic of quite a uniform ceramic complex of the Fominskii stage of the Kulaiskaya culture was given for the first time. The main characteristics are the following: the presence of weakly

profiled, with the emerging neck, transitional to potted forms; the complete absence of mouldings on the crowns; all the pearls formed during making pits on the inside of the vessel are smoothed out either completely or partially; the absence of ornamental elements applied in a dynamic manner; the absence of varieties of "figured" (in the form of a ring or with a partition in the middle) pits; a limited number of ornamental elements used in ornamental composition; the absence of classical Kulaiskaya duck. Characteristics distinguishing Sarovskii and Fominskii materials were singled out. The way of development of the ceramic complex from Sarovskii to Fominskii stage was shown. It revealed itself in appearance of pot-like weak-profiled forms, simplification of ornamental compositions, disappearance of complex motives, decrease in the number of ornamental elements in ornamental compositions, widely used at the Fominskii stage smooth S-shaped stamp, disappearance of classic Kulaiskaya duck, use of S-shaped stamp as the only ornamental element. Work with the inventory complex allowed to slightly move forward the lower chronological boundary of the Fominskii stage to the beginning-the first half of the 2nd century.

Keywords: settlement, burial ground, ceramics, forest-steppe Altai, chronology

For citation: Kazakov, A.A. (2022) On the Question of Cultural and Chronological Homogeneity of Blizhnie Elbany VII Complex (based on the State Hermitage Museum materials). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 78. pp. 172–187. doi: 10.17223/19988613/78/22

Еще до момента полноценной публикации М.П. Грязновым [1] материалов могильника Ближние Елбаны VII этот памятник стал одним из наиболее обсуждаемых среди ученых. Даже предварительные доклады выдающегося исследователя и первичные публикации материалов этого памятника [2–6] вызвали бурные дискуссии по поводу его культурно-хронологической принадлежности [7, 8], которые достаточно подробно проанализированы в историографических разделах крупных монографических исследований [9–12].

Пожалуй, из всех памятников, исследованных М.П. Грязновым в пункте Ближние Елбаны, ни один не имеет столь обширной историографии. И это неслучайно, ведь это единственный до недавнего времени могильник, представляющий огромный культурный пласт, основным характеризующим материалом которого до этого являлись поселенческие комплексы.

В отношении преобладания поселенческих комплексов над погребально-поминальными Барнаульско-Бийское Приобье не является исключением. В этом регионе известно три достоверных погребально-поминальных комплекса (Фоминский могильник [1. С. 126; 11. С. 20], могильник Круглое Озеро [1. С. 133; 11. С. 21] и Шипуновские находки [11. С. 21] таковыми являются лишь гипотетически, ни одного погребения с этих памятников не описано, материал представлен лишь артефактами со сборов), в которых исследовано 36 погребений (БЕ-7 – 31 погребение [1. С. 127, 130; 11. С. 20; 13. С. 16], Татарские могилки (памятник известен под разными названиями, обоснование используемого названия см.: [13. С. 6–7]) – 3 погребения [11. С. 30; 13. С. 16], Кармацкий – 2 погребения [14. С. 102]). Остальные материалы представлены поселенческими комплексами, в основном керамикой. Поэтому интерпретация наиболее представительного погребально-поминального комплекса является чрезвычайно актуальной задачей.

Несмотря на то, что материалы этого памятника уже много раз пересматривались исследователями и уже вроде как утратили свою информативность, считая целесообразным еще раз вернуться к его анализу. По-новому посмотреть на них позволяют увеличение источниковой базы, которое дает возможность на основании исследованных поселенческих комплексов охарактеризовать достаточно однородный комплекс керамики фоминского этапа кулайской культуры, от-

крытие и исследование 14 погребений Усть-Абинского могильника [11. С. 34] и двух погребений могильника Кармацкий [14. С. 102]. Эти источники вызывают сомнения в однородности опубликованного в монографии М.П. Грязнова материала, так как часть сосудов керамического комплекса могильника БЕ-VII, отнесенного к фоминскому этапу верхнеобской культуры, по ряду признаков отличается от довольно стандартного комплекса фоминской керамики.

Работа с коллекциями Государственного Эрмитажа дала возможность обработать представительный комплекс керамического материала, не нашедшего отражения в публикации 1956 г. Его анализ позволил разделить считавшийся ранее однородным керамический комплекс фоминского этапа с памятника БЕ-VII на два отличных друг от друга комплекса. Таким образом, имеющийся в настоящее время объем источников позволяет переосмыслить материалы могильника БЕ-VII и определить его место в системе древностей рубежа эр первой половиной I тысячелетия.

Начнем с того, что вслед за великолепным методом М.П. Грязновым [15], никто из последующих исследователей не усомнился в культурно-хронологической и типологической однородности коллекции с могильника БЕ-VII. В своей работе М.П. Грязнов отмечал, что «в нижней половине почвенного слоя в исследованной части могильника почти повсюду находились черепки глиняной посуды и некоторые другие предметы», причем им же отмечено, что эти черепки принадлежат и «более крупным, нарядным сосудам, какие встречены в культурном слое... поселения (видимо, имеется в виду поселение БЕ-IV)». Эти обломки «следует рассматривать как остатки похоронных и поминальных триз». По его мнению, фрагменты керамики из культурного слоя могильника принадлежат не менее чем 55 сосудам [1. С. 132]. Из них опубликован лишь один, да и тот далеко не показательный [1. Табл. 50, 29].

Сам тезис о принадлежности материала культурному слою могильника, называемого почвенным, а следовательно, относящегося к единому погребально-поминальному комплексу, не позволяет усомниться как в культурно-хронологической, так и типологической (имеется в виду тип памятника) однородности всего материала, полученного с этого памятника. Это

положение не вызывало сомнений ни у кого из исследователей.

Наиболее полную характеристику керамического комплекса, происходящего из почвенного слоя БЕ-VII, мы находим в работе Т.Н. Троицкой. Ею проанализировано достаточно большое количество фрагментов керамики, происходящих от 82 сосудов, как из почвенного слоя, так и из погребально-поминальных комплексов [9. С. 41–42]. Вслед за М.П. Грязновым она также считает этот комплекс как типологически, так и культурно-хронологически однородным.

К сожалению, в иллюстративной части монографии Т.Н. Троицкой опубликовано только 4 фрагмента керамики из почвенного слоя [Там же. С. 120], что не дает целостного представления о всем комплексе.

Более полную публикацию находок из почвенного слоя БЕ-VII мы находим в работе Ю.В. Ширина, которым опубликовано 15 рисунков, представляющих как фрагменты керамических сосудов, так и реконструированные сосуды и вещи, происходящие из почвенного слоя БЕ-VII, относящиеся к комплексу фоминского могильника [11. С. 169–171]. У него также не вызывает сомнения культурно-хронологическая и типологическая однородность комплекса [Там же. С. 21–22], более того, вслед за Т.Н. Троицкой он дает общую характеристику керамического комплекса, происходящего как из почвенного слоя, так и из погребений. Причем используется не весь массив материалов, а лишь наиболее полно сохранившиеся сосуды [Там же. С. 96–98].

Сомнения в типологической однородности комплекса кулайской культуры с БЕ-VII мы находим только в работе Л.А. Чиндиной, где она на карте-схеме размещения памятников саровского этапа кулайской культуры [10.

С. 225] на рис. 20 под № 4 поместила памятник БЕ-VII с припиской «пос.», что должно означать поселение, однако этот тезис нигде в тексте монографии более не высказан, а сам памятник БЕ-VII однозначно трактуется как могильник [Там же. С. 103, 111]. На этой же карте-схеме мы не видим могильника БЕ-VII. Не знаю, можно ли это трактовать как возможность разделения Л.А. Чиндиной типологически единого могильника БЕ-VII на два типа памятников – поселение и могильник, однако приписка «пос.» позволяет говорить о наличии таковой.

При работе с материалами памятника БЕ-VII из почвенного слоя, относящимися к кулайской культуре, обращает внимание очень плотная его насыщенность находками. Согласно данным М.П. Грязнова, на 1 180 м² раскопа приходится фрагменты 55 сосудов [1. С. 132]. Получается, что средняя насыщенность слоя составляет примерно 0,05 сосуда на 1 м².

Согласно данным той же Т.Н. Троицкой, на поселении БЕ-IV на 250 м² раскопа приходится 42 сосуда [9. С. 42]. Это дает среднюю насыщенность культурного слоя в 0,17 сосуда на 1 м², что ненамного больше.

С целью определения степени насыщенности культурного слоя находками был проведен анализ исследованных однослойных поселенческих комплексов. Учитывая, что изучено небольшое количество однослойных поселений поздних этапов кулайской культуры (саровского и фоминского), для большей репрезентативности выводов был привлечен и материал сопредельных, близких в культурно-хронологическом отношении комплексов васюганских этапов кулайской культуры и одинцовской культуры из Томского, Новосибирского и Барнаульско-Бийского Приобья.

Результаты анализа приведены в таблице.

Насыщенность культурного слоя находками

№ п/п	Название памятника	Площадь раскопа, м ²	Количество сосудов, шт.	Средняя насыщенность, сос./м ²	Культурная принадлежность	Источник
1	Дубровинский Борок 4	2 600	12	0,05	Первый этап новосибирского варианта кулайской культуры	[9. С. 20]
2	Дубровинский Борок 3	198	260	1,31	Второй этап новосибирского варианта кулайской культуры	[Там же. С. 25–28]
3	Усть-Ирмень	32	67	2,09	Второй этап новосибирского варианта кулайской культуры	[Там же. С. 32]
4	Ивановка 4	231	30	0,13	Третий этап новосибирского варианта кулайской культуры	[Там же. С. 38]
5	Бехтемир	16	28	1,75	Сошкинский этап одинцовской культуры	[12. С. 9]
6	Городище 2	112	1	0,009	Сошкинский этап одинцовской культуры	[Там же. С. 13]
7	Гор. Малый Иткуль 5	80	8	0,1	Сошкинский этап одинцовской культуры	[Там же. С. 17]
8	Гор. Малый Иткуль 6	80	7	0,09	Сошкинский этап одинцовской культуры	[Там же. С. 20]
9	Сошкиново 1	964	12	0,01	Сошкинский этап одинцовской культуры	[Там же. С. 25–26]
10	Пос. Малый Иткуль 1/7	140	4	0,03	Одинцовский этап одинцовской культуры	[Там же. С. 37]
11	Пос. Малый Иткуль 2/2	64	2	0,03	Одинцовский этап одинцовской культуры	[Там же. С. 42]
12	Пос. Малый Иткуль 1	220	30	0,14	Фоминский этап кулайской культуры	[16]
13	БЕ-7	1 180	55	0,05	Фоминский этап кулайской культуры	[1. С. 132]
14	БЕ-4	250	42	0,17	Фоминский этап кулайской культуры	[9. С. 42]
Средняя насыщенность				0,46		

Наибольшую насыщенность, превышающую 1 сосуд на 1 м², мы наблюдаем на памятниках Дубровинский Борок 3, Усть-Ирмень и Бехтемир. На городище Бехтемир такая высокая насыщенность обусловлена разбивкой раскопа внутри жилищного котлована. На городище Дубровинский Борок 3 небольшим по площади раскопом (198 м²) исследовано три жилищных котлована, а именно в них наблюдается наибольшая насыщенность находками. К сожалению, не владея ситуацией, не могу объяснить столь высокую насыщенность культурного слоя поселения Усть-Ирмень. Можно лишь предполагать, что М.П. Грязнов небольшим по площади раскопом в 32 м² попал на хозяйственную зону жилища с наибольшей концентрацией находок.

Большинство исследованных памятников с небольшими по площади раскопами ориентировано на исследование как раз жилищных котлованов, в которых и сосредоточено подавляющее количество находок, что дает достаточно высокую насыщенность культурного слоя, да то далеко не всегда. Средняя насыщенность культурного слоя в 0,1 и более сосуда на 1 м² считается уже достаточно высокой!

Исследование всей площади памятника крупным раскопом предполагает и изучение межжилищного пространства и линий ров-вал, культурный слой в которых практически не содержит никаких находок, что в среднем дает очень низкую среднюю насыщенность. Подобным образом изучались такие памятники, как Дубровинский Борок 4 и Сошниково 1, которые дают среднюю насыщенность культурного слоя в 0,025 сосуда на 1 м².

Очень слабую насыщенность культурного слоя поселений, относящихся к рассматриваемому периоду, констатирует и Л.А. Чиндина, которая отмечает, что на поселении Степановское 1 находки концентрировались около жилищ или ям [10. С. 186], а на поселении Степановское 4 в межжилищном пространстве находок почти не было [Там же. С. 191]. Что касается распределения находок в котлованах, то Л.А. Чиндиной выявлено, что они, как правило, тяготели к очагам либо концентрировались у стен или в углах жилищ [10. С. 18, 45]. Вслед за другими исследователями описанные закономерности отмечены автором при характеристике культурного слоя поселений одинцовской культуры [12. С. 86].

Такая слабая насыщенность культурного слоя стационарных поселений заставляет усомниться в возможности высокой насыщенности находками культурного слоя на погребально-поминальных комплексах, который трактуется как остатки тризн. Трудно представить, что разовые, достаточно редкие обрядовые действия могли привести к формированию культурного слоя на поминально-погребальном комплексе большей насыщенности, чем на поселении, на территории которого люди обитали непрерывно достаточно длительное время и вели интенсивный образ жизни. А на памятнике БЕ-VII, на котором раскопом исследована сплошная площадь, средняя насыщенность слоя находками очень высока – 0,05 сосуда на 1 м², что в 2 раза превышает таковую на долговременных памятниках, исследованных так же, как и БЕ-VII, сплошными площадями (Дубровинский Борок 4 и Сошниково 1)!

Косвенными доказательствами существования поселенческого слоя могут служить и такие наблюдения, как неоднородное залегание материала в почвенном слое. Так, фрагменты одного сосуда, судя по инвентарным номерам (если принять во внимание, что соседние квадраты должны шифроваться порядковыми номерами, идущими последовательно), найдены в достаточно отдаленных друг от друга квадратах, что при единичном факте можно объяснить случайностью, при большой распространенности – остатками поселенческого культурного слоя. Большая фрагментированность сосудов свидетельствует в пользу этого же. Согласно механизму образования остатки тризн должны быть представлены развалами, мы же имеем дело с большой фрагментированностью.

Это позволяет усомниться в типологической однородности комплекса и говорить о поселенческом культурном слое и погребально-поминальном комплексе, т.е. на БЕ-VII наряду с грунтовым могильником существовало еще и поселение кулайской культуры. Таким образом, на этом месте было два типологически различных памятника – поселение и могильник.

Анализ наличия следов поминальных тризн на других погребально-поминальных комплексах кулайской культуры также подтверждает выдвинутую гипотезу.

Так, из 72 погребений могильника Каменный Мыс лишь четыре сопровождалась остатками тризны, и всего в одном (к. 4) найдены остатки двух керамических сосудов [9. С. 9]. На могильнике Ордынское 1 таковых вообще не обнаружено, хотя это и объясняется сильной разграбленностью памятника [Там же. С. 22]. На площади погребально-поминального комплекса фоминского этапа кулайской культуры Татарские могилки остатков материальной культуры, а тем более керамических сосудов, однозначно связанных с поминальными тризнами, не зафиксировано [11. С. 30]. На могильнике Карлык 1 также не зафиксировано следов погребальных тризн [Там же. С. 31]. На площади исследованного Ю.В. Шириным Усть-Абинского погребально-поминального комплекса, на котором выявлено и исследовано 14 погребений, имеются следы поминальной тризны, однако они не сопровождаются остатками керамической посуды [Там же. С. 34–35].

Принимая во внимание, что погребально-поминальная обрядность является очень консервативным явлением, слабо подверженным различным новациям и достаточно однородным в пространстве, что позволяет считать ее одним из основных культуuroобразующих признаков при выделении и характеристике археологических культур, следует признать, что наличие следов погребальных тризн для могильников различных этапов кулайской культуры не свойственно для погребально-поминальной обрядности носителей этой культуры, тем более наличие подобных следов в форме остатков керамических сосудов. Таким образом, следует признать наличие на памятнике БЕ-VII наряду с могильником фоминского этапа кулайской культуры и поселенческого культурного слоя достаточно высокой насыщенности.

Для определения культурно-хронологической однородности материалов из культурного слоя могиль-

ника и поселения необходимо провести их сравнительный анализ, который начинается с описания. Опишем керамический комплекс поселения, материалы которого хранятся в Государственном Эрмитаже в коллекции № 1623. С № 1 по № 301 зашифрованы артефакты, происходящие из погребально-поминальных комплексов, с № 302 по № 513 – артефакты, происходящие из культурного слоя и случайные находки, т.е. из слоя поселения происходит порядка 211 предметов. При работе с коллекцией автор частично реконструировал и зарисовал фрагменты от 36 сосудов (рис. 1–4)¹.

К сожалению, это, вероятнее всего, далеко не полный объем материала (М.П. Грязновым насчитано не менее 55 сосудов, происходящих из почвенного слоя [1. С. 132], Т.Н. Троицкой – 82 сосуда [9. С. 41]), однако это самая представительная впервые опубликованная выборка, характеристика которой ввиду большого ее объема дает достаточно полное представление о всем комплексе.

Полностью восстановить форму ни одного сосуда не удалось. Судя по отсутствию в составе керамического комплекса фрагментов плоских или приостренных днищ, сосуды были круглодонными. О круглодонности всего комплекса косвенно свидетельствуют и частично реконструированные сосуды, верхняя часть которых имеет форму, характерную для круглодонных сосудов (см. рис. 2, 16; 4, 1, 6).

Сосуды сформованы из хорошо отмученного глиняного теста с мелкими примесями отошителя, с тонкими стенками. Причем можно наблюдать более толстые

стенки в верхней части сосуда, которые утончаются на протяжении первой трети, переходя в примерно одинаковую толщину тулова и дна. Фрагменты керамики очень плотные, хорошего качества, «звонкие».

Судя по венчикам, преобладают сосуды закрытой баночной формы (диаметр венчика меньше наибольшего диаметра тулова) (см. рис. 1, 2, 4, 5; 2, 3, 4, 5, 6, 13, 14; 3, 1, 7; 4, 1). Встречаются открытые банки (диаметр тулова не превышает диаметра венчика) (см. рис. 1, 3; 2, 1, 16; 4, 4, 5, 6). Примерно в таком же количестве, как и открытые банки, встречаются сосуды с чуть заметной профилировкой венчика (см. рис. 1, 1, 7; 2, 2, 7, 11, 12), однако о горшковидных формах можно говорить достаточно условно, скорее, при такой слабой профилировке это переходная к горшковидным форма.

Если формы сосудов достаточно стабильные, то формы венчиков значительно разнообразнее. Большинство венчиков прямые, срезаны внутрь сосуда (см. рис. 1, 2, 4, 6, 7; 2, 1, 2, 4, 6, 8–11, 13; 3, 1, 5–7; 4, 1, 2, 4–6). Встречаются округлые (см. рис. 1, 3, 5; 2, 3, 15, 16) и горизонтальные (см. рис. 1, 2; 2, 3, 7, 14). Срезанный наружу встречен в одном случае (см. рис. 2, 12). Сами срезы венчиков плоские (см. рис. 1, 1, 2, 6, 7; 2, 1, 2, 5, 7, 10, 12–14; 3, 1, 5, 6; 4, 2, 4, 6) или округлые (см. рис. 1, 3–5; 2, 3, 4, 6, 8, 9, 15, 16; 3, 7; 4, 1, 5). На венчиках нередко встречаются карнизники с внутренней стороны (см. рис. 1, 7; 2, 1, 2, 10; 3, 5, 6; 4, 4). Кроме венчиков с карнизниками нередко венчики с утолщением с внутренней стороны (см. рис. 1, 1, 6; 2, 6, 7, 11; 4, 1, 2, 5).

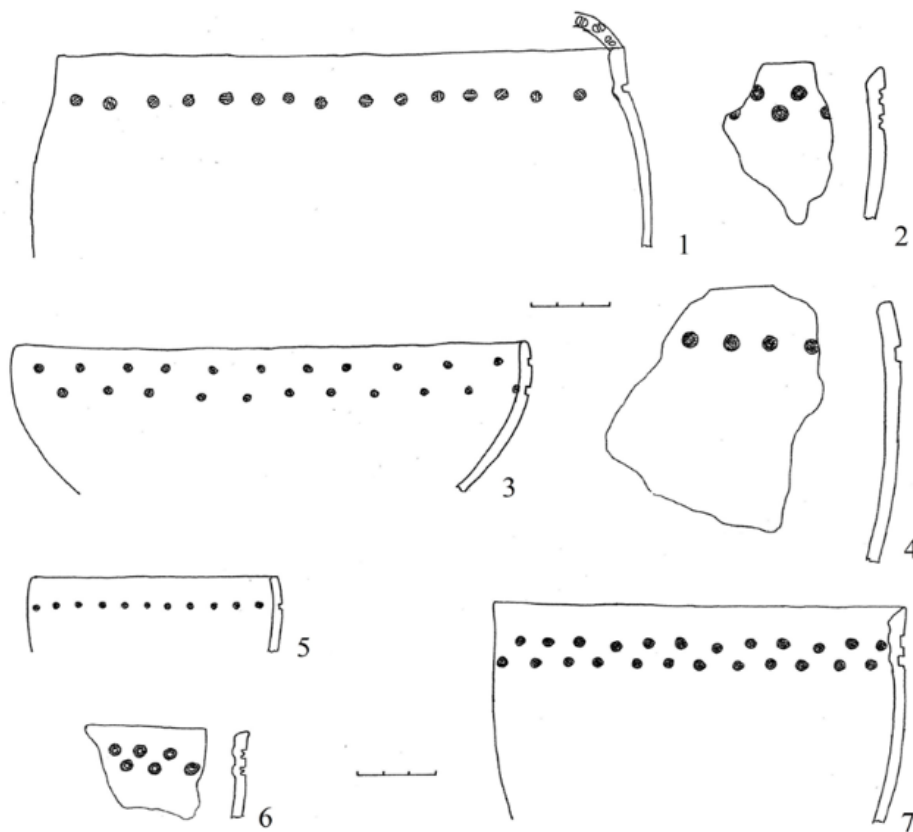

Рис. 1. Керамический комплекс поселения Ближние Елбаны VII:
1 – 1623/495; 2 – 1623/381; 3 – 1623/421; 4 – 1623/419;
5 – 1623/343 и 495; 6 – 1623/333; 7 – 1623/433

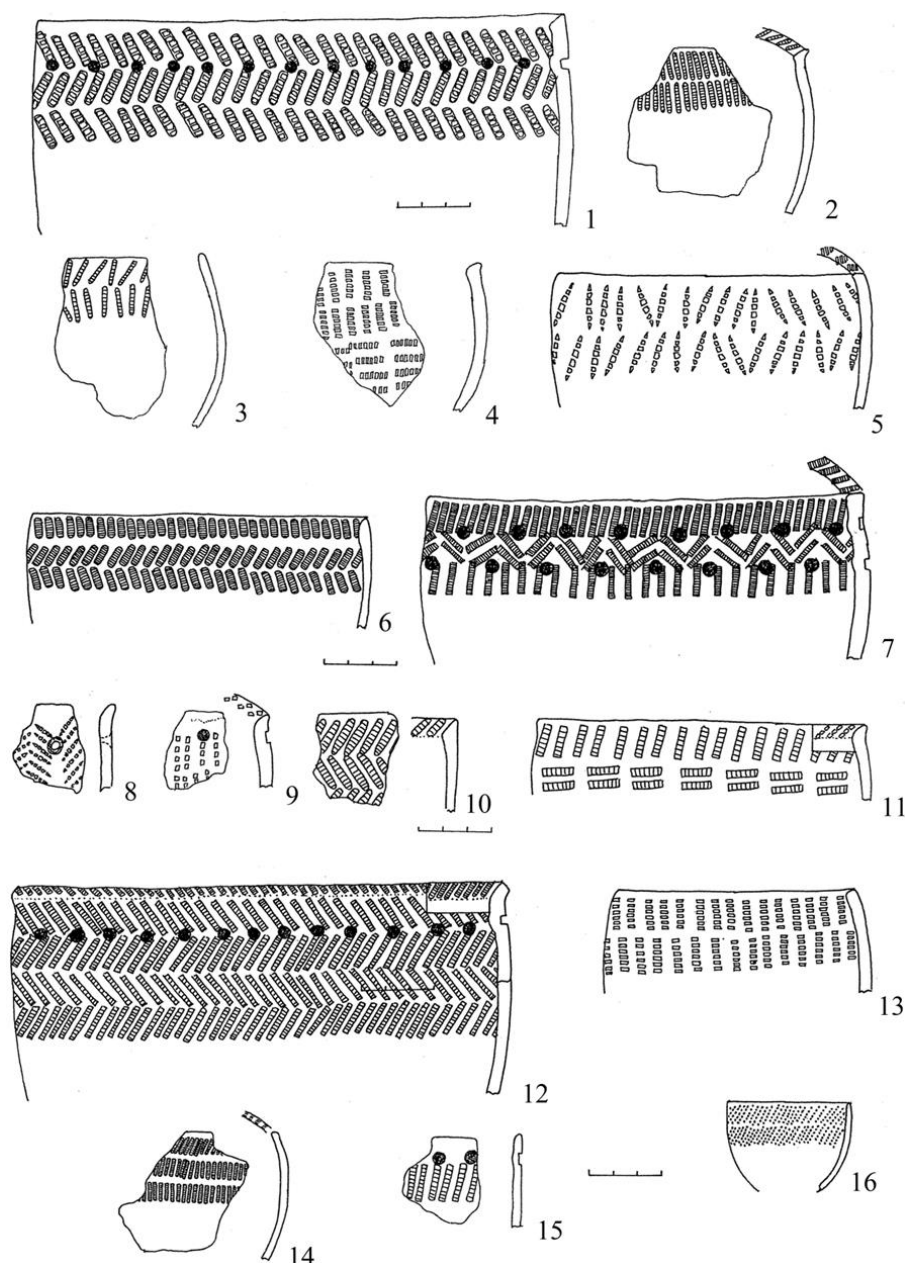

Рис. 2. Керамический комплекс поселения Ближние Елбаны VII:

1 – 1623/332; 2 – 1623/345; 3 – 1623/407; 4 – 1623/407; 5 – 1623/338; 6 – 1623/424; 7 – 1623/496; 8 – не зашифрован; 9 – 1623/468; 10 – 1623/446; 11 – 1623/468; 12 – 1623/435 и 396; 13 – 1623/362; 14 – 1623/391; 15 – 1623/344; 16 – 1623/494

Характеризуя другие морфологические особенности, стоит отметить, что практически на всех сосудах жемчужины на внутренней поверхности, образовавшиеся при нанесении такого элемента орнамента, как ямки, сглажены полностью (см. рис. 1, 2–5; 2 – 9, 15) либо частично (см. рис. 1, 1, 6, 7; 2, 1, 7, 12; 4, 4, 6). Сосудов, у которых жемчужины не сглаживались вообще, не встречено.

Немного забежав вперед, можно говорить о том, что самые четкие карнизики и слабозаглаженные жемчужины встречаются на сосудах со сложной орнаментальной композицией и наколами с выпуклиной посередине (см. рис. 1, 1, 6, 7; 2, 1, 7, 12; 4, 4, 6).

Из орнаментальных элементов наиболее часто встречаются наколы различной формы и отпечатки гребенчатого штампа. Отпечаток гладкого штампа встречен

в одном случае (см. рис. 4, 4). Все орнаментальные элементы наносились в статичной манере, динамичной техники нанесения орнамента не зафиксировано. Из наколов наиболее часто встречаются ямки и треугольный штамп. Ямки наносились разными орнаментами. В подавляющем большинстве случаев у ямок дно плоское (см. рис. 1, 4, 5, 7; 2, 1, 7, 9, 12, 15; 4, 6), другие имеют форму кольца с выпуклиной либо прямой полосой посередине (см. рис. 1, 1, 2, 3, 6; 4, 4). Вероятнее всего, одни наносились орнаментом с плоским рабочим концом, другие – с полым (возможно, трубчатой костью птицы).

Треугольный штамп (см. рис. 3, 1–7; 4, 1, 4) также имел разновидности, а именно форму, близкую шеврону, с закругленным углом немного вытянутого треугольника (см. рис. 3, 2, 4, 5, 7).

Наибольшая вариабельность наблюдается у гребенчатого штампа. Самым распространенным является так называемая гусеничка, когда отпечаток имеет четко выраженную форму рабочего края орнамента, который при штамповании полностью погружался в глиняное тесто. Зубцы у этого штампа большие, с тонкими и невысокими перегородками между ними. Гусеничка имела, как правило, прямоугольную форму со слегка округлыми углами (см. рис. 2, 1–3, 6, 10, 14; 4 – 1–3, 5) и четко прямоугольные формы (см. рис. 2, 7, 11, 12, 15; 3, 3; 4, 6).

Достаточно распространенной формой гребенчатого штампа-гусенички является гребенчатая уточка. На керамике встречены как классические формы кулайской уточки с почти параллельными верхним и нижним краями (головой и туловищем) и хорошо выраженным четким одинаковым углом в изломах (см. рис. 4, 1–3, 5), так и эсвидный гребенчатый штамп-гусеничка (см. рис. 4, 1), являющийся разновидностью уточки. В одном случае встречен эсвид-

ный гладкий штамп удлиненных пропорций (см. рис. 4, 4), а также штамп, по форме напоминающий уточку, лежащую на боку, с резкими, острыми углами в изломах с полосками внутри (см. рис. 4, 6). Такой штамп на керамике встречается крайне редко.

Кроме гусенички встречен и обычный гребенчатый штамп, при нанесении которого отпечатываются только зубцы, а сама форма рабочего края орнамента не оставляет отпечатка на орнаментальном поле. В порядке убывания распространенности зафиксированы такие его разновидности, как гребенчатый штамп с прямоугольными зубцами, расположенными длинной стороной перпендикулярно длинной оси орнамента (см. рис. 2, 4, 13; 3, 1, 6), крупнозубый гребенчатый штамп сильно вытянутооформленной формы (см. рис. 2, 5, 8; 3, 4), крупнозубый гребенчатый штамп с квадратными зубцами (см. рис. 2, 9), частый мелкозубый штамп с тонкими зубцами, расположенными перпендикулярно длинной оси орнамента вытянутооформленной формы (см. рис. 2, 16).

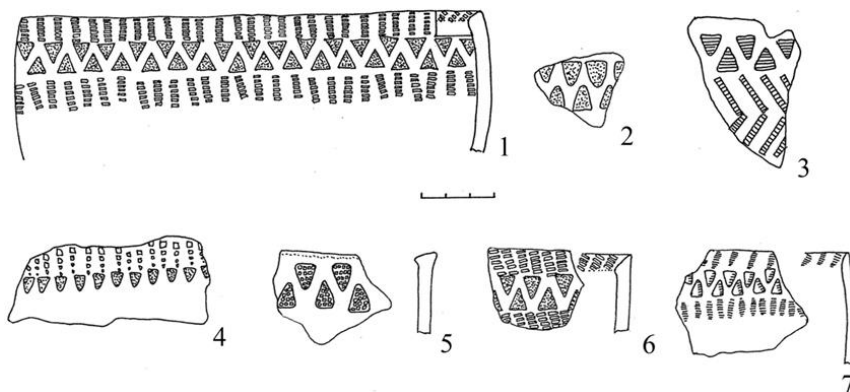

Рис. 3. Керамический комплекс поселения Ближние Елбаны VII:
1 – 1623/442; 2 – 1623/335; 3 – 1623/451; 4 – 1623/445; 5 – 1623/363; 6 – 1623/334; 7 – 1623/347

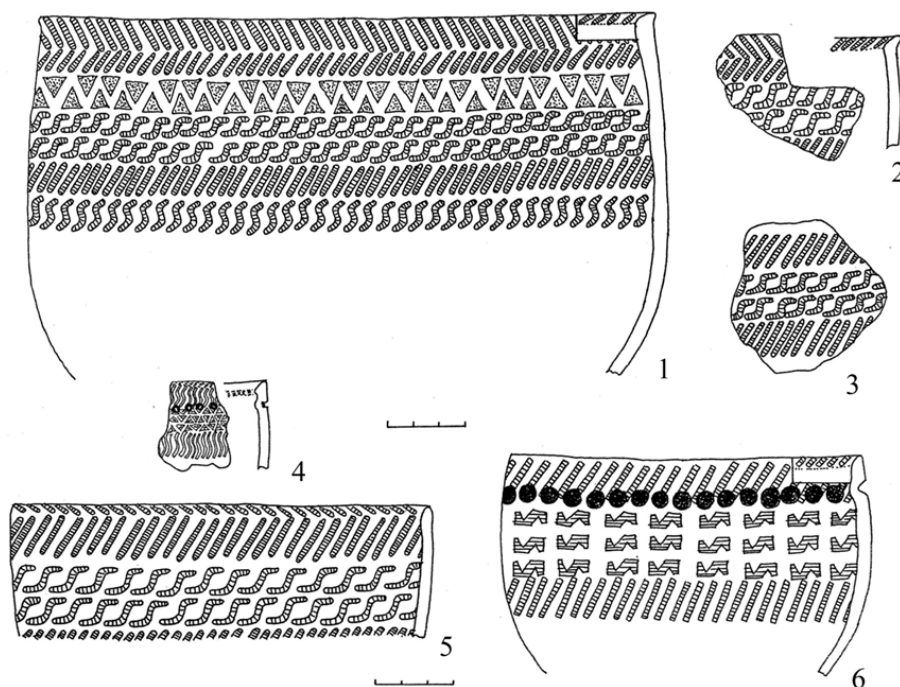

Рис. 4. Керамический комплекс поселения Ближние Елбаны VII:
1 – 1623/450; 2 – 1623/365; 3 – не зашифрован; 4 – 1623/390; 5 – 1623/425; 6 – 1623/426

Других элементов орнамента на описываемом керамическом комплексе не встречено. Орнаментальные мотивы, как и орнаментальные элементы, достаточно разнообразны. Наиболее распространенными являются горизонтальный (см. рис. 1, 1–7; 2, 1–7, 9, 11, 13, 14; 3, 1, 4, 7; 4, 1–6), вертикальный (см. рис. 2, 4, 8, 11) и наклонный (см. рис. 2, 15, 16; 3, 6, 7; 4, 2, 3, 5, 6). Наряду с простыми мотивами встречаются и сложные, такие как зигзагообразный (см. рис. 2, 7), елочка (см. рис. 2, 1, 6, 8, 10, 12; 3, 3; 4, 1, 2, 5) и паркетный (см. рис. 3, 1–3, 5–7; 4, 1, 4). Как правило, украшалась только верхняя треть, лишь в одном случае орнаментальное поле занимало примерно половину высоты сосуда (см. рис. 4, 6). Часто орнаментировался и срез венчика. Орнамент по срезу наносился одним из штампов, которыми украшалось тулово сосуда (см. рис. 1, 1; 2, 2, 5, 7, 9–12, 14; 3, 1, 6, 7; 4, 1, 2, 4, 6). У сосудов, орнаментированных только ямками, срез венчика орнаментирован лишь в одном случае (см. рис. 1, 1).

Орнаментальная композиция достаточно сложна. Для начала отметим, что ямки (кольца) и треугольники (фестоны) на одном сосуде ни разу не совмещались. В некоторых случаях ямки и треугольники могли выступать как самостоятельные элементы декора, образуя один или несколько (до 2 орнаментальных строк) горизонтальных поясков по верхней части сосуда (см. рис. 1, 1–7; 3, 2, 5). Треугольники одной орнаментальной строкой не наносились, как самостоятельный элемент использовались только в паркетном мотиве (см. рис. 3, 2, 5).

Часто самостоятельным декоративным элементом, наносимым без совмещения с другими, выступает гребенчатый штамп различных форм (см. рис. 2, 2–6, 8–11, 13, 14, 16). Наиболее распространенным орнаментальным мотивом, наносимым отпечатком гребенчатого штампа, является елочка (см. рис. 2, 1, 6, 8, 10). Кроме елочки отпечатками гребенчатого штампа наносились горизонтальные полосы вертикально поставленного штампа (см. рис. 2, 2–5, 9, 11, 13, 14), горизонтальные полосы косо поставленного штампа (рис. 2, 16), вертикальные елочки (рис. 2, 8).

Более сложные композиции состояли из двух элементов орнамента, за исключением композиций, в построении которых использовались уточки. Одним из обязательных элементов сложных орнаментальных композиций являлись ямки или треугольный штамп. Они выступали как разделители орнамента. Еще раз обращу внимание, что даже в сложных орнаментальных композициях эти элементы ни разу не совмещаются на одном сосуде. Причем если разделительная функция ямок не всегда читается явно, они наносились и поверх других орнаментальных элементов (см. рис. 2, 1, 7, 12, 15; 4 – 4, 6), то треугольники всегда достаточно четко вписаны между орнаментальными строками, нанесенными гребенчатым штампом или уточкой (см. рис. 3, 1, 3, 4, 7; 4, 1, 4).

Как правило, орнаментальные элементы четкие, пропечатаны аккуратно и тщательно, особенно это наблюдение касается сосудов, украшенных орнаментальной композицией с присутствием треугольного штампа и уточки. На сосуды, орнаментированные ямками, гре-

бенчатым штампом или их сочетанием, орнамент мог наноситься и достаточно небрежно, с отклонениями по углу наклона штампа и не совсем пунктуальным соблюдением верхней и нижней границ орнаментальных строк. При орнаментации сосуда использовался только один гребенчатый штамп, два разных гребенчатых штампа не совмещаются, за исключением прямого гребенчатого штампа и гребенчатой уточки.

Орнаментальных строк на одном сосуде встречено от 1 до 7. Наряду с достаточно свободным размещением орнаментальных элементов часто встречается и плотное заполнение орнаментального поля очень четкими отпечатками штампа, что характерно в основном для сосудов, в орнаментальной композиции которых присутствует такой элемент орнамента, как уточка (см. рис. 4, 1–6). Уточка всегда встречается в сочетании с гребенчатой гусеничкой и треугольным штампом или ямками, образуя не менее двух горизонтальных строк между отпечатками гребенки (см. рис. 4, 1, 2, 3, 5, 6). Только в одном случае встречена разновидность уточки, нанесенной эсвидным гладким штампом (см. рис. 4, 4).

На этом фрагменте керамики хочется остановиться особо, так как он по многим своим параметрам немного не вписывается в анализируемый керамический комплекс и может быть несколько раз назван как уникальный. Во-первых, орнаментальные элементы на нем слишком мелкие и очень плотно нанесены, чего не скажешь о других фрагментах. Во-вторых, только на нем встречен такой орнаментальный элемент, как гладкая уточка, вернее, ее разновидность в виде эсвидного штампа. В-третьих, несмотря на то, что при описании комплекса несколько раз акцентировалось внимание на отсутствии совмещения ямок и треугольного штампа, на этом фрагменте они все же совместились. Подобное совмещение можно считать столь редким исключением, что его можно просто-напросто игнорировать, так как оно при массовом материале является единичным. Причем обращает внимание, что ямки, совмещенные с треугольником, наносились трубчатой костью, т.е. представляют из себя ямку с выпуклой посередине.

Столь подробное описание публикуемого керамического комплекса необходимо для его более обоснованной культурно-хронологической интерпретации. Даже на первый взгляд видно, что мы имеем дело с ранее неизвестным на территории лесостепного Алтая керамическим комплексом, а точнее комплексом, фрагментарная публикация которого не позволяла составить о нем целостного представления, благодаря чему его трактовали как относящийся к фоминскому этапу кулайской культуры, считая однородным с керамическим комплексом могильника, о чем уже говорилось ранее. Подобное толкование обуславливало и большое сходство некоторых сосудов из погребений с находками керамики из почвенного слоя могильника: Это сосуд из м. 6 [11. С. 172] и сосуд из слоя, изображенный на рис. 2, 7, сосуд из м. 33 [Там же. С. 182] и сосуд из слоя, изображенный на рис. 3, 1, сосуд из м. 98 [Там же. С. 199] и сосуды из слоя, изображенные на рис. 4, 2, 3, 5. Это только примеры почти прямых

аналогий. Сходство же керамических комплексов из погребально-поминальных объектов и почвенного слоя несомненно. Но имеются и существенные различия, не позволяющие объединить их в единый культурно-хронологический комплекс.

В настоящее время в связи со значительным пополнением корпуса источников следует признать, что отнесение керамического комплекса с поселения БЕ-VII к фоминскому этапу кулайской культуры следует пересмотреть. Об этом свидетельствуют достаточно представительные комплексы фоминской керамики, полученные с исследованных в последние годы памятников, представленных в основном поселениями и тремя погребениями могильника Татарские могилки.

К поселенческим комплексам, давшим материалы, позволяющие составить достаточно полное представление об их керамических комплексах, относятся Усть-Чумыш 1 [17], Чудацкая гора фом. [18], Малоутре-нево 1 [19], Енисейское [Там же], Бийское городище 2 [20, 21], Бийское городище 4 [20, 21], Бийское городище 6 [20, 21], Троицк-1 [22], Фоминское [23], Малый Иткуль 1 [16], Кислянский Рыбак-1 [24]. К сожалению, до настоящего времени не опубликованы достаточно показательные и представительные коллекции с ряда фоминских поселений, происходящие из однослойных памятников, на которые можно было бы сослаться, но их материалы после публикации только повысят убедительность представленных построений.

Среди новых погребально-поминальных комплексов, содержащих в своем составе керамические сосуды, можно назвать могильник Татарские могилки [11]. Большое количество памятников, содержащих достаточно однородные керамические комплексы, позволяет охарактеризовать керамику фоминского этапа кулайской культуры в целом.

Это тонкостенные, сформованные из тонкоотмученного глиняного теста с мелкими фракциями отощителя, круглодонные сосуды преимущественно баночной формы (как открытые, так и закрытые) с прямыми венчиками [16. Рис. 2, 1–7, 9, 10; рис. 3, 1, 2, 4, 5, 9–10; 19. Рис. 1, 1–3, 6–8, 11–13, 15, 16; рис. 3, 1, 3–5; 20. Рис. 3, 1, 5, 7, 8, 13, 17, 18, 21; рис. 4, 8, 9, 12, 14, 15, 17, 18; 23. Рис. 1, 2–10, 24. Рис. 2]. Встречаются и переходные к горшкам формы со слабопрофилированными венчиками [19. Рис. 1, 5, 8–10, 14, 17; рис. 3, 2, 6; 16. Рис. 3, 3, 7, 11, 12; 24. Рис. 2]. Срезы венчиков в основном горизонтальные [19. Рис. 1, 1–3, 11, 14; рис. 3, 1–3, 6; 20. Рис. 3, 5, 7, 13, 18; рис. 4, 9, 15; 23. Рис. 1, 5–8, 10, 12; рис. 2, 1, 4, 7; 24. Рис. 2] или округлые [16. Рис. 2, 2, 3, 6, 9, 10; 19. Рис. 1, 6, 9, 10, 12–15, 17; рис. 3, 4, 5; 20. Рис. 3, 1, 8, 17, 25; рис. 4, 8, 14, 18; 23. Рис. 1, 2, 3, 9], встречаются как срезанные внутри сосуда [9, рис. 4, 17; 16. Рис. 2 — 1, 2, 5, 9; 19. Рис. 1, 7, 16; рис. 3, 1; 24. Рис. 2], так и наружу [19. Рис. 1, 5]. Иногда мы можем наблюдать утолщения с внутренней стороны венчика [19. Рис. 1, 3, 6, 17; рис. 3, 2, 4, 6; 20. Рис. 3, 17; рис. 4, 8, 9, 15, 17; 23. Рис. 1, 7, 10]. Карнизиков не встречено.

Жемчужины на внутренней поверхности, образовавшиеся при нанесении ямок, сглажены либо полностью [16. Рис. 2, 2–4, 6, 9; 19. Рис. 1, 1, 10, 11, 13; 20. Рис. 3, 1, 7, 18; рис. 4, 8, 9; 23. Рис. 1, 4, 7; 24. Рис. 2],

либо частично [16. Рис. 2, 5; 19. Рис. 1, 2, 6–8, 15, 16; рис. 3, 3, 6; 20. Рис. 3, 8, 21, 25; 23. Рис. 1, 3, 9; 24. Рис. 2]. Сосуды, у которых жемчужины не сглаживались, отсутствуют. Все орнаментальные элементы наносились только в статичной манере. Из орнаментальных элементов наиболее часто встречаются ямки с плоским дном, наносимые орнаментиром с плоским рабочим краем. Кольчатые ямки встречены только на одном сосуде [24. Рис. 2]. Отпечатков треугольного штампа не встречено вообще.

Вторым по распространенности элементом является гребенчатый штамп, с незначительной вариабельностью. В основном это обычный гребенчатый штамп, при нанесении которого отпечатываются только зубцы. Встречены такие его разновидности, как крупнозубый гребенчатый штамп [16. Рис. 2, 6; 19. Рис. 1, 1, 5, 17; 23. Рис. 1, 3; 24. Рис. 2], частый мелкозубый штамп с тонкими зубцами, расположенными параллельно длинной оси орнамента [19. Рис. 1, 7; 20. Рис. 3, 1] и частый мелкозубый штамп с зубцами, расположенными перпендикулярно длинной оси орнамента [20. Рис. 3, 7]. Гусеничка, как правило, прямоугольной формы со слегка скругленными углами [19. Рис. 1, 7, 8, 16; рис. 3, 6; 23. Рис. 1, 4, 6, 7, 10; 24. Рис. 2] или сильно вытянутоовальной формы [19. Рис. 1, 15]. Встречена и дугообразная гребенчатая гусеничка [19. Рис. 1, 3, 6, 14; рис. 3, 2, 3].

Достаточно распространенной формой гребенчатого штампа-гусенички является гребенчатая уточка. Причем классические формы кулайской уточки с почти параллельными верхним и нижним краями (головой и туловищем) и хорошо выраженным четким одинаковым углом в изломах отсутствуют, их заменяет эсвидный гребенчатый штамп-гусеничка [16. Рис. 2, 2; 19. Рис. 1, 9–11, 13; рис. 3, 1, 5; 20. Рис. 3, 13, 17; рис. 4, 15, 17; 23. Рис. 1, 8; 24. Рис. 2], являющийся разновидностью уточки. Достаточно распространенным является и гладкий эсвидный штамп [16. Рис. 2, 5, 6; 19. Рис. 1, 2, 4; рис. 3, 4; 20. Рис. 3, 24, 25; рис. 4, 8, 9, 11, 12, 14, 18; 23. Рис. 1, 2, 9]. Еще одной разновидностью гладкого штампа является полулунный [19. Рис. 1, 12; рис. 3, 6].

Из других элементов орнамента на описываемом керамическом комплексе встречены аморфные штампы непонятной формы, вероятнее всего, имитирующие уточку, так называемые змейки [22. Рис. 1, 9; рис. 2, 13; 23. Рис. 1, 5], и в одном случае — двучленная имитация уточки [16. Рис. 2, 1] и гладкий штамп [25. Рис. 2, 4]. Наиболее распространенными являются такие мотивы, как горизонтальный, который присутствует практически на всех сосудах, наклонный [16. Рис. 2, 4, 6; 19. Рис. 1, 5, 7, 8, 15, 16, 17; рис. 3, 6; 23. Рис. 1, 6, 10; 24. Рис. 2] и ленточный [16. Рис. 2, 6; 19. Рис. 1, 13]. Наряду с простыми мотивами встречаются и сложные, такие как зигзагообразный [19. Рис. 1, 1; 23. Рис. 1, 7; 24. Рис. 2] и елочка [16. Рис. 2, 4; 19. Рис. 1, 7, 16; 20. Рис. 3, 1, 7; 23. Рис. 1, 4; 24. Рис. 2].

Вертикальный и паркетный мотивы отсутствуют полностью. Украшалась только верхняя часть, орнаментальные элементы не опускались ниже трети высоты сосуда. Изредка орнаментировался срез венчика

[16. С. 107; 19. Рис. 1, 8, 17; рис. 3, 6; 20. Рис. 4, 8; 23. Рис. 1, 3, 4, 6, 7].

Орнаментальные композиции состоят, как правило, не более чем из двух элементов орнамента. Одним из обязательных элементов таких двусоставных орнаментальных композиций являются ямки. Они выступают как разделители орнамента. Разделительная функция ямок не всегда явная. Очень часто ямки наносились поверх других элементов орнамента, что иногда ставит их функцию как разделителей под сомнение. Орнаментальные элементы четкие, но пропечатаны не очень аккуратно и тщательно, имеют разные углы наклона и не всегда составляют четкую горизонтальную линию, немного отклоняясь от горизонтали в разные стороны. Интервалы между элементами также не всегда одинаковые.

Только в одном случае встречена орнаментальная композиция, совмещающая, вместе с ямками, три орнаментальных элемента [19. Рис. 3, 6]. Орнаментальных строк на одном сосуде встречено от 1 до 7. Орнаментальные элементы размещены достаточно свободно. Плотное заполнение орнаментального поля очень четкими отпечатками штампа не встречено. Уточка, как гладкая, так и гребенчатая, выступает как самостоятельный элемент орнамента [16. Рис. 2, 2, 5, 7; рис. 3, 2-4, 7, 12; 19. Рис. 1, 2, 4, 9, 10, 11, 13; рис. 3, 1, 4, 5; 20. Рис. 3, 13, 17, 24, 25; рис. 4, 8, 9, 11, 12, 14, 15, 17, 18; 23. Рис. 1, 2, 8, 9;], не сочетаясь ни с какими другими орнаментальными элементами, кроме ямок, которые выполняют, скорее, не декоративную, а разделительную функцию, являясь чуть ли не обязательным элементом любой орнаментальной композиции. Особо отметим, что керамический комплекс поселения Троицк-1 [22] абсолютно ничем не отличается от описанной выше поселенческой керамики фоминского этапа кулайской культуры.

Проведенный анализ позволяет нам выделить основные признаки керамического комплекса фоминского этапа кулайской культуры, который является достаточно стандартным во всем регионе распространения памятников этой культурно-хронологической группы:

1. Сосуды изготовлены из хорошо отмученного глиняного теста с мелкими примесями отошителя, тонкостенные.

2. Все сосуды круглодонные. По форме преобладают банки. Достаточно часто встречаются слабопрофилированные, с намечающейся шейкой, переходные к горшковидным формы.

3. Стабильные пропорции. Высота сосуда приблизительно равна его диаметру.

4. Полное отсутствие карнизиков на венчиках. Встречаются утолщения верхней части венчика изнутри.

5. Все жемчужины с внутренней стороны сосуда, образовавшиеся при нанесении ямок, заглажены либо полностью, либо частично.

6. Полное отсутствие орнаментальных элементов, нанесенных в динамичной манере.

7. Отсутствие различных разновидностей «фигурных» ямок (в форме кольца или с перегородкой посередине).

8. Ограниченное количество орнаментальных элементов, используемых в орнаментальной композиции.

Это только ямки, различные разновидности гребенчатого штампа, эсовидный штамп (гладкий или гребенчатый). Отсутствие классической кулайской уточки.

9. Отсутствие в орнаментальной композиции сложных орнаментальных мотивов, таких как вертикальный, паркетный, ромбический и волнообразный.

10. Использование в орнаментальной композиции только одного орнаментального элемента (не считая ямок). Это или гребенчатый штамп, или эсовидный (гладкий или гребенчатый).

11. Свободное расположение орнаментальных элементов в орнаментальной композиции.

12. Не очень аккуратное нанесение орнаментальных элементов. Они могут наноситься с нестабильным углом наклона, выходить за пределы ленты горизонтального мотива и т.п.

Опираясь на выделенные признаки, характерные для фоминских комплексов, сравнивая с ними керамический комплекс из почвенного слоя БЕ-VII (поселения) мы, наряду с большим сходством, наблюдаем и значительные различия, которые позволяют нам говорить о его принадлежности к другому этапу развития кулайской культуры.

Эти различия прослеживаются как в морфологических, так и в орнаментальных особенностях и заключаются в следующем:

1. Крайне малое представительство в формах сосудов поселения БЕ-VII горшковидных или переходных к горшковидным форм, достаточно распространенных в фоминской керамике.

2. Широкое распространение карнизиков, которые отсутствуют на фоминской керамике.

3. Наличие слабозаглаженных с внутренней стороны сосуда жемчужин, образовавшихся после нанесения ямок. Подобного на фоминской керамике не встречается.

4. Широкое распространение такого орнаментального элемента, как ямки в форме кольца с выпуклой посередине. Подобный элемент встречен на фоминской керамике только в одном случае, и его можно рассматривать как ранний, пережиточный признак.

5. Широкое распространение такого орнаментального элемента, как треугольники, полностью отсутствующего на фоминской керамике.

6. Наличие классической формы кулайской уточки с почти параллельными верхним и нижним краями (головой и туловищем) и хорошо выраженным, четким одинаковым углом в изломах.

7. Почти полное отсутствие гладкой уточки, широко распространенной на фоминской керамике.

8. Наличие в орнаментальной композиции сложных орнаментальных мотивов, таких как вертикальный и паркетный, которые отсутствуют на фоминской керамике.

9. На части сосудов орнаментальные элементы очень четкие, пропечатаны аккуратно и тщательно, плотно заполняют орнаментальное поле, что нехарактерно для фоминской керамики.

10. Уточка как самостоятельный элемент орнамента никогда не использовалась, всегда сочетаясь с другими орнаментальными элементами, не считая ямок

и треугольного штампа. На фоминской керамике ни одного случая сочетания уточки с другими орнаментальными элементами не зафиксировано.

11. Присутствие сложных орнаментальных композиций, совмещающих вместе с наколами различной формы (ямками или треугольным штампом) три и более орнаментальных элементов, чего нет на фоминской керамике.

Выявленные различия не позволяют нам отнести публикуемый комплекс к фоминскому этапу кулайской культуры.

Очень близкие аналогии керамическому комплексу поселения БЕ-VII мы находим в саровской керамике Томского Приобья (группы 7–9 по Л.А. Чиндиной [10. С. 92–94]). Индикаторами принадлежности к керамическим комплексам саровского этапа кулайской культуры, по мнению Л.А. Чиндиной, служат следующие признаки:

1. На саровской керамике мало горшковидных форм (прямые венчики).

2. Только на саровской керамике срез венчика скошен внутрь или горизонтально уплощен, с нависающим внутрь бортиком (карнизиком) [Там же. С. 89–90].

Т.Н. Троицкой выделена и такая особенность саровской керамики, как плотный дробный орнамент [9. С. 40], который присутствует и на рассматриваемом комплексе поселения БЕ-VII.

Более того, практически все выделенные особенности, отличающие рассматриваемый комплекс от фоминского, характерны для керамики саровского этапа кулайской культуры.

Про горшковидные формы, карнизики на венчиках, плотный и дробный орнамент мы уже говорили. Другие выделенные особенности мы находим в работе Л.А. Чиндиной, которая характеризует саровскую керамику следующим образом: «...набор элементов: гребенка, всех вариантов уточка, треугольники... шевроны... Преобладают горизонтальные, вертикальные и наклонные мотивы, широко использовалось паркетное сочетание различных треугольников, змейки, уточки» [10. С. 92].

Все охарактеризованные особенности позволяют нам отнести поселение БЕ-VII к заключительной стадии бытовая комплексов саровского типа памятников кулайской культуры.

Говорить о заключительной стадии бытования керамического комплекса саровского этапа или даже переходном, саровско-фоминском комплексе (прото-фоминском, предфоминском и т.п.) нам позволяют следующие наблюдения:

1. Пусть небольшое, но наличие в нем сосудов со слабо намечающейся шейкой, т.е. переходных к горшковидным или предгоршковидным форм, чего нет на классических комплексах саровского этапа.

2. Наличие сосудов с полностью заглаженными жемчужинами с внутренней стороны.

3. Наличие утолщений с внутренней стороны венчика, что можно считать одним из признаков исчезающего карнизика.

4. Появляющаяся небрежность в нанесении орнаментальных элементов.

5. Полное отсутствие орнаментальных элементов, нанесенных в динамичной технике.

6. Отсутствие в орнаментальной композиции волны.

Таким образом, мы имеем дело с крайне интересным, переходным комплексом, совмещающим в себе признаки как саровского, так и фоминского этапов. Наличие подобного комплекса позволяет нам лишний раз подтвердить широко распространенную среди исследователей гипотезу о формировании фоминского этапа кулайской культуры на территории лесостепного Алтая.

Для территорий Верхнего Приобья, по мнению Л.А. Чиндиной, характерен упрощенный вариант 7-й группы и комплексы 9-й группы. А 9-я группа представляла собой финальный тип саровского этапа [10. С. 94]. Для 9-го этапа Л.А. Чиндиной выделены такие признаки, как «открытые и закрытые (сферических очертаний) банки и чаши, горшки как исключение. Набор элементов: гребенка, уточка, различные шевроны, треугольники, ямки, трехчленный штамп. Господствуют горизонтальные, вертикальные, наклонные и паркетные мотивы. Обычно одно-, двухрядные пояса уточек, гребенки чередуются с паркетнорасположенными треугольниками и шевронами» [Там же].

Таким образом, мы наблюдаем тенденцию к упрощению орнаментальной композиции на фоминском керамическом комплексе. Фоминская керамика представляет собой более простые варианты, из которых полностью исключены некоторые орнаментальные элементы и мотивы. Выделение переходного саровско-фоминского комплекса предполагает и его датировку временем начала формирования фоминского этапа кулайской культуры. Этот вопрос достаточно дискуссионен и не решен до настоящего времени. Попробуем на основании имеющихся материалов продатировать наиболее ранний памятник, знаменующий начало формирования фоминского этапа.

Л.А. Чиндина считает, что проникновение кулайского населения на территорию Барнаульско-Бийского Приобья связано со второй миграционной волной, начало которой ею же датируется рубежом I–II вв. до н.э. и связывается с васюганско-саровским и саровским населением, индикаторами распространения которого служили васюганско-саровские (группа 6) и саровские (группы 7–9) типы керамики [Там же. С. 162].

Сама керамика саровского типа датируется Л.А. Чиндиной I в. до н.э. – IV в. н.э. [Там же. С. 106]. Учитывая, что вторая миграционная волна датируется рубежом I–II вв. до н.э., можно говорить, что саровские комплексы ранее этого времени на территории Верхнего Приобья появиться не могли [Там же. С. 162].

Говоря о датировках, следует признать их относительность, так как построены они в основном на типологических схемах эволюционного развития керамических комплексов. Абсолютные датировки по аналогиям проведены достаточно давно, более 30 лет назад, и на основании новых материалов были пересмотрены Ю.В. Шириным в 2003 г. Верхней хронологической границей существования саровских комплексов на территории Барнаульско-Бийского Приобья в настоящее время является нижняя хронологическая граница фоминских комплексов, которая в настоящее вре-

мая определена Ю.В. Шириным рубежом 2–3 вв. [11. С. 101–114].

Таким образом, время начала формирования фоминского комплекса, маркируемого процессом трансформации саровской керамики в фоминскую, что мы и наблюдаем на поселении БЕ-VII, возможно определить чуть более ранней датой, чем нижнюю границу фоминского этапа кулайской культуры, а именно началом – первой половиной II в. Этим же периодом возможно датировать и поселение БЕ-VII.

Проверим эту дату с привлечением новых данных. В настоящее время у нас имеется только один памятник, датированный естественнонаучным методом, с которого представлен стандартный фоминский керамический комплекс. Это поселение Малый Иткуль 1. Образец для анализа взят из жилища 2. Дата, полученная в институте геологии СО РАН 260 ± 25 г. н.э. [16. С. 107], т.е. середина III в. н.э., что не противоречит предложенной Ю.В. Шириным дате. Эта же дата определяет и возможный верхний предел саровско-фоминских комплексов.

Кроме керамики в культурном слое поселения БЕ-VII встречен еще ряд находок. Учитывая большую однородность керамического комплекса, можно с большой долей вероятности предположить принадлежность данных находок именно к этому слою. Это бронзовая пронизь [11. С. 171. Табл. 7, 3], фаянсовая бусина [Там же. Табл. 7, 4], бронзовая накладка [Там же. Табл. 7, 5], наконечник [Там же. табл. 7, 6] и роговой гарпун [Там же. Табл. 7, 9].

Несмотря на то, что хронологические рамки всего комплекса фоминских погребений как с могильника БЕ-VII, так и с Усть-Абинского могильника были достаточно хорошо обоснованы Ю.В. Шириным [11], попробуем еще раз провести передатировку инвентарных комплексов из культурного слоя по немного иной методике, основываясь на традиционных датировках по аналогиям без привлечения использованного Ю.В. Шириным метода с применением комплексов взаимовстречающихся предметов [Там же. С. 102]. Рассматриваться будут лишь те предметы, хронологические рамки которых можно скорректировать. Из вещей, происходящих из культурного слоя поселения, это фаянсовая бусина, наконечник и роговой гарпун.

Фаянсовая голубая амфоровидная бусина с ушком для подвешивания, в поперечном сечении – розетка (тип 54 по Ю.В. Ширину, датируется им I–IV вв. [Там же. С. 105]). Аналогии этой бусине-подвеске мы находим в материалах из погребений сельского населения европейского Боспора, где подобные бусы встречены в погребениях I–III вв. [26. С. 316. Табл. 125а]. Хронологию этой бусины из египетского фарфора уточняет Е.М. Алексеева. Она относит ее к второй половине I – III в. [27. С. 348. Табл. 162, 51]. Е.М. Алексеева считает, что наплыв украшений из египетского фарфора начинается со второй половины I в. до н.э. и становится особенно интенсивным в I в. Начиная со II в. импорт их уменьшается [Там же. С. 237]. Подобные по форме, одноцветные встречены в материалах Знаменского клада [28. С. 172. Рис. 87] и датируются I–II вв. [Там же]. Этим же временем, по мнению Э.Б. Вадец-

кой, датируются одноцветные бусы подобной формы из Северного Причерноморья [Там же. С. 175]. Таким образом, наиболее широкий хронологический диапазон бытования этого изделия определяется I в. до н.э. – III в. н.э.

Наконечники в погребениях фоминского этапа кулайской культуры встречено 4 экземпляра, и 1 экземпляр происходит из культурного слоя поселения БЕ-VII. Из этих пяти экземпляров три происходят из Усть-Абинского могильника (м. 7 (2 экз.)) [11. С. 236. Табл. 72, 2, 3], м. 12 [Там же. С. 256. Табл. 92, 18], один – из погребения 32 могильника БЕ-VII [Там же. С. 181. Табл. 17, 7] и один – из культурного слоя поселения БЕ-VII [Там же. С. 171. Табл. 7, 6]. Соглашаясь с Ю.В. Шириным по поводу слабой разработанности типологии наконечников и в связи с этим определенными сложностями в относительно узкой датировке этой категории инвентаря, все-таки отметим существенную разницу между наконечниками с БЕ-VII и Усть-Абинского могильника. На БЕ-VII наконечники очень похожи, почти идентичны, у каждого по 6 слабовыраженных поперечных валиков на лицевой стороне. Они прямоугольной формы и не имеют орнамента.

Наконечники из Усть-Абинского могильника трапециевидные и украшены по лицевой стороне достаточно сложным геометрическим узором, т.е. мы можем наблюдать тенденцию совершенствования форм и орнаментации, которая является универсальной в бронзовых изделиях археологических культур Прикамья и Западной Сибири и хорошо прослеживается на эполе-тообразных застежках [29. С. 40–41], зооморфных украшениях [30. С. 18. Рис. 4, С. 88–91], изделиях металлопластики [10. С. 220–223; 31. С. 160–162] и других категориях инвентаря.

Наиболее близкие аналогии для наконечников с БЕ-VII мы нашли в материалах м. 3 к. 10 курганного могильника Каменный Мыс (с пятью поперечными валиками на внешней стороне) [9. С. 88. Табл. 12, 3], который датируется концом III – II в. до н.э. [Там же. С. 19], курганном могильнике Быстровка 1 [32. С. 131. Рис. 4, А1] и курганном могильнике Быстровка 2 [Там же. Рис. 4, Б2]. Курган № 2 Быстровки 2, в котором такая обойма была встречена, естественнонаучными методами (радиоуглеродное датирование) датируется не позднее IV в. до н.э. [Там же. С. 129].

Признавая возможность более позднего существования подобных наконечников, следует также и признать, что прямоугольные наконечники с поперечными валиками на внешней стороне являются более ранними по отношению к наконечникам трапециевидным, украшенным по лицевой стороне достаточно сложным геометрическим орнаментом. Это позволяет нам говорить и о более ранней относительной датировке комплексов, в которые входят наконечники подобного типа, по отношению к комплексам с трапециевидными наконечниками.

Наиболее интересным, на мой взгляд, из инвентаря культурного слоя, является роговой гарпун. Он практически идентичен как по форме, так и по размерам роговому гарпуну из м. 6 могильника БЕ-VII. Сходство настолько сильное, что у меня даже появились сомнения в наличии двух подобных предметов на этом па-

мятнике. Однако консультации с Ю.В. Шириным эти сомнения рассеяли. К сожалению, Ю.В. Шириным анализу костяных наконечников стрел уделено недостаточно внимания. Без приведения аналогий и какого-либо обоснования все костяные наконечники стрел, в том числе и роговые гарпуны, им отнесены к первой половине I тыс. [11. С. 64].

Гарпунные наконечники стрел с упором на черешке известны из памятников Новосибирского Приобья, где они достаточно часто встречаются в погребениях могильника Каменный Мыс (к. 3, м. 27 – 4 шт.; к. 3, м. 5 – 5 шт.; к. 3, м. 12 – 1 шт.; к. 3 м. 25 – 1 шт.) [9. С. 84. Табл. 8, 6–19], датированного концом III – II в. до н.э. [9. С. 19]. Подобный известен и в материалах городища Дубровинский Борок 3 [Там же. С. 104. Табл. 28, 8], датирующегося I в. до н.э. – I в. н.э. [Там же. С. 30]. Т.Н. Троицкая отмечает, что все аналогии этому типу инвентаря ведут в северные лесные районы [Там же. С. 10].

По мнению В.Н. Мошинской, анализирующей материальную культуру городища Усть-Полуй, расположенного недалеко от Салехарда, подобные гарпунные наконечники имеют широкое не только географическое, но и хронологическое распространение [33. С. 82]. Ею опубликовано 9 подобных гарпунов, происходящих из культурного слоя этого городища [Там же. С. 83. Табл. 5, 1–9]. Напомним, что усть-полуйское время В.Н. Чернецов относит к IV в. до н.э. – I в. н.э. [8. С. 228]. Данные современных исследований позволили более узко датировать само святилище Усть-Полуй, эпонимный памятник, давший название культуре. Серии дат, полученные как по дендрохронологическому методу, так и по радикарбонному, укладываются в промежутке III в. до н.э. – первые века н.э., или даже I в. н.э. [34. С. 171; 35. С. 59].

Еще один гарпун с упором на черешке известен с поселения Чудацкая Гора в Павловском районе Алтайского края [18. С. 53. Рис. 2, 9]. Не вдаваясь в дискуссию о хронологии ранних кулайских памятников на этой территории, необходимо отметить, что Ю.В. Ширин этот памятник считает одним из самых ранних, признавая смешение староалейско-каменных и кулайских традиций, свойственных для первого этапа кулайской культуры Новосибирского Приобья, хоть и отно-

сит это поселение ко второму этапу кулайской культуры Новосибирского Приобья, который датируется I в. до н.э. – I в. н.э. [9. С. 30].

Еще один подобный наконечник встречен в КМ Быстровка 3 [32. С. 131. Рис. 4, B1]. Для курганов Быстровки 3 получены радиоуглеродные даты, укладывающиеся в пределы VII – IV вв. до н.э. [Там же. С. 132].

Несмотря на то, что эта категория инвентаря, как уже было отмечено ранее, может иметь широкие хронологические рамки, самый поздний в археологических памятниках роговой гарпун подобного типа (наиболее близкие аналогии) встречен на городище Дубровинский Борок 3 и поселении Чудацкая Гора (I в. до н.э. – I в. н.э.). Именно I в. н.э. может быть пока принят за верхнюю хронологическую границу бытования подобных роговых гарпунов с упором на черешке. Понятно, что она может подняться еще выше (в сторону омоложения), но у нас пока нет для этого веских оснований.

Найденные в кургане 1-го курганного могильника Крохалева 23 наконечники гарпуна уже изготовлены из железа, хотя упор на черешке у них роговой [36. С. 107. Рис. 20, 7, 8; С. 126]. Могильник датируется V–VII вв. [Там же. С. 17]. Костяные гарпуны с упором на черешке, имеющие значительно укороченные пропорции, один трехгранный, два с одним шипом, есть в материалах потчевашской культуры [37. С. 235. Табл. 87, 23–25], которая датируется VI–VII – VIII–IX вв. [Там же. С. 192]. В материалах из гунно-сарматских памятников урало-казахстанских степей II–IV вв. и в западной части Западной Сибири гарпунов нет [38, 39].

Таким образом, роговой гарпунный наконечник стрелы в нашем случае может быть принят за один из достаточно жестких хронологических маркеров, позволяющих ограничить верхнюю хронологическую границу поселения BE-VII I в. Хронологические рамки бытования остальных категорий инвентаря этому не противоречат. Учитывая начало трансформации саровского керамического комплекса в фоминский, слабо разработанную типологию костяных гарпунных наконечников стрел с упором на черешке, считаю вполне допустимым немного омолодить верхнюю границу рассматриваемого комплекса, но никак не выше первой половины II в.

Примечание

¹ Пояснения к иллюстрациям. Во время работы с коллекциями памятника BE-VII обратил на себя внимание тот факт, что многим фрагментам керамики, даже происходящим от разных сосудов, в описи присвоен один и тот же инвентарный номер. С чем это связано – выяснить не удалось, однако можно предположить, что фрагменты шифровались и вносились в описи по квадратам. Таким образом, под одним инвентарным номером оказывалось достаточно большое количество фрагментов, которые были остатками различных сосудов. И, напротив, фрагменты от развала одного сосуда, которые находились в разных квадратах, могли иметь разные инвентарные номера. Далее приводятся инвентарные номера фрагментов, опубликованных в работе. Коллекция с памятника BE-VII имеет инвентарный номер 1623. Внутри коллекции отдельные предметы (фрагменты керамики) имеют свои номера, которые даются через косую линию после номера коллекции. Всего в коллекции 513 таких номеров. С № 1 по № 301 зашифрованы артефакты, происходящие из погребально-поминальных комплексов, с № 302 по № 513 – артефакты, происходящие из культурного слоя и случайные находки.

Список источников

1. Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. М.–Л., 1956. 256 с. (МИА; № 48).
2. Грязнов М.П. Работы Алтайской экспедиции // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях института истории материальной культуры. М.–Л. : АН СССР, 1947. Вып. 21. С. 77–78.
3. Грязнов М.П. Раскопки Алтайской экспедиции на Ближних Елбанах // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях института истории материальной культуры. М.–Л. : АН СССР, 1949. Вып. 26. С. 110–119.
4. Грязнов М.П. Из далекого прошлого Алтайского края. Барнаул, 1950. 19 с.

5. Грязнов М.П. Археологическое исследование территории одного древнего поселка // Краткие сообщения института исследования материальной культуры. М. : АН СССР, 1951. Вып. 40. С. 105–113.
6. Грязнов М.П. Некоторые итоги трехлетних археологических работ на Верхней Оби // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях института истории материальной культуры. М.–Л. : АН СССР, 1952. Вып. 48. С. 93–102.
7. Чернецов В.Н., Мошинская В.И. Городище Большой Лог // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях института истории материальной культуры. М.–Л. : АН СССР, 1951. Вып. 37. С. 78–87.
8. Чернецов В.Н. Усть-Полуйское время в Приобье // Чернецов В.Н., Мошинская В.И., Талицкая И.А. Древняя история Нижнего Приобья. М. : АН СССР, 1953. С. 221–241. (МИА; № 35).
9. Троицкая Т.Н. Кулайская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск : Наука, 1979. 126 с.
10. Чиндина Л.А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Томск : Изд-во Том. ун-та. 1984. 256 с.
11. Ширин Ю.В. Верхнее Приобье и предгорья Кузнецкого Алатау в начале 1 тыс. н.э. (погребальные памятники фоминской культуры). Новокузнецк : Кузнецкая крепость, 2003. 288 с.
12. Казаков А.А. Одинцовская культура Барнаульско-Бийского Приобья. Барнаул : Барнаул. юрид. ин-т МВД России, 2014. 152 с.
13. Григоров Е.В., Казаков А.А. Барнаульско-Бийское Приобье в I–II вв. (по данным погребального обряда). Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2018. 230 с.
14. Тишкин А.А., Горбунов В.В. Погребения кулайской культуры на памятнике Кармацкий в Барнаульском Приобье // Игорь Геннадьевич Глушков : сб. науч. ст. Ханты-Мансийск : Печатный мир г. Ханты-Мансийск, 2012. Ч. 3. С. 102–109.
15. Глушков И.Г. Вещи глазами М.П. Грязнова // Игорь Геннадьевич Глушков : сб. избр. ст. Сургут : РИО СурГПУ, 2011. Ч. 2. С. 82–93.
16. Абдулганеев М.Т. Фоминский комплекс поселения Малый Иткуль–I // Проблемы изучения древней и средневековой истории. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2001. С. 103–110.
17. Шамшин А.Б., Казаков А.А. Аварийные археологические раскопки в Тальменском районе // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. Горно-Алтайск, 1992. С. 61–62.
18. Ширин Ю.В. О ранних кулайских памятниках Верхнего Приобья // Российская археология. 2004. № 2. С. 51–61.
19. Казаков А.А. К археологической карте Бийского района и верховьев р. Оби // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2016. Вып. 22. С. 109–116.
20. Казаков А.А., Кунгуров А.Л. Комплекс городищ около Бийска // Культура народов евразийских степей в древности. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1993. С. 219–231.
21. Казаков А.А., Абдулганеев М.Т. Лесостепной Алтай // Этнокультурная история Западной Сибири. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1994. Т. 1: Поселения и жилища. С. 331–333.
22. Бородаев В.Б., Горбунов В.В. Троицк-1 – новое поселение кулайской культуры на левобережье Барнаульского Приобья // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1993. Ч. 2. С. 183–189.
23. Казаков А.А. Материалы I тысячелетия со сборов у с. Фоминского // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2016. Вып. 22. С. 116–121.
24. Сайберт В.О. Результаты археологической разведки в Тальменском районе Алтайского края в 2016 г. // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края : сб. науч. ст. / отв. ред. А.А. Тишкин, В.П. Семибратов. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2017. Вып. XXIII. С. 44–48.
25. Абдулганеев М.Т., Казаков А.А. Поселение Чудацкая Гора // Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири в древности и средневековье. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1994. С. 111–115.
26. Арсеньева Т.М. Погребальный обряд // Античные государства Северного Причерноморья. М. : Наука, 1984. С. 222–224. (Археология СССР).
27. Алексеева Е.М. Бусы и подвески // Античные государства Северного Причерноморья. М. : Наука, 1984. С. 237–239. (Археология СССР).
28. Вадецкая Э.Б. Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. СПб. : Петербургское Востоковедение, 1999. 440 с.
29. Генинг В.Ф. Этническая история Западного Приуралья на рубеже нашей эры (пьяноборская эпоха 3 в. до н.э. 2 в. н.э.) М. : Наука, 1988. 240 с.
30. Голубева Л.А. Зооморфные украшения финно-угров. М. : Наука, 1979. 112 с.
31. Чиндина Л.А. История Среднего Приобья в эпоху раннего Средневековья (рёлкинская культура). Томск : Изд-во Том. ун-та, 1991. 184 с.
32. Бородаев В.Б., Горбунов В.В. Погребальное пространство в контексте политкультурности (по материалам Быстровского некрополя эпохи раннего железа на Верхней Оби) // Древние некрополи – погребально-поминальная обрядность, погребальная архитектура и планировка некрополей. СПб. : ИИМК РАН, Гос. Эрмитаж, 2018. С. 123–134. (Труды ИИМК РАН; Т. 47).
33. Мошинская В.Н. Материальная культура и хозяйство Усть-Полуя // Древняя история Нижнего Приобья М. : АН СССР, 1953. С. 72–106. (МИА; № 35).
34. Федорова Н.В. Антропоморфные изображения Усть-Полуя // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. 2009. Вып. 6. С. 171–176.
35. Гусев Ан.В. Из глубины веков: святилище Усть-Полуй и жители субарктики // Холодок. 2016. № 1 (14). С. 59–65.
36. Троицкая Т.Н., Новиков А.В. Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1998. 152 с.
37. Могильников В.А. Культуры лесного Зауралья 7–13 вв. Потчевашская культура // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М. : Наука, 1987. С. 183–193. (Археология СССР).
38. Боталов С.Г., Гуцалов С.Ю. Гунно-сарматы Урало-Казахстанских степей. Челябинск : Рифей, 2000. 267 с.
39. Матвеева Н.П. Западная Сибирь в эпоху Великого переселения народов : (проблемы культурогенеза по данным погребальных памятников). Тюмень : Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2016. 264 с.

References

1. Gryaznov, M.P. (1956) *Istoriya drevnikh plemen Verkhney Obi po raskopkam bliz s. Bol'shaya Rechka* [The history of the ancient tribes of the Upper Ob according to excavations near the village Bol'shaya Rechka]. Moscow; Leningrad: USSR AS.
2. Gryaznov, M.P. (1947) *Raboty Altayskoy ekspeditsii* [Works of the Altai expedition]. In: *Kratkie soobshcheniya o dokladakh i polevykh issledovaniyakh instituta istorii material'noy kul'tury* [Brief Reports and Field Studies of the Institute of the History of Material Culture]. Vol. 21. Moscow; Leningrad: USSR AS. pp. 77–78.
3. Gryaznov, M.P. (1949) *Raskopki Altayskoy ekspeditsii na Blizhnikh Elbanakh* [Excavations of the Altai Expedition in the Near Elbans]. In: *Kratkie soobshcheniya o dokladakh i polevykh issledovaniyakh instituta istorii material'noy kul'tury* [Brief Reports and Field Studies of the Institute of the History of Material Culture]. Vol. 26. Moscow; Leningrad: USSR AS. pp. 110–119.
4. Gryaznov, M.P. (1950) *Iz dalekogo proshlogo Altayskogo kraia* [From the distant past of the Altai Territory]. Barnaul: [s.n.].
5. Gryaznov, M.P. (1951) *Arkheologicheskoe issledovanie territorii odnogo drevnego poselka* [Archaeological study of the territory of one ancient settlement]. In: *Kratkie soobshcheniya instituta issledovaniya material'noy kul'tury* [Brief Reports of the Institute for the Study of Material Culture]. Vol. 40. Moscow: USSR AS. pp. 105–113.
6. Gryaznov, M.P. (1952) *Nekotorye itogi trekhletnikh arkheologicheskikh rabot na Verkhney Obi* [Some results of three-year archaeological work on the Upper Ob]. In: *Kratkie soobshcheniya o dokladakh i polevykh issledovaniyakh instituta istorii material'noy kul'tury* [Brief Reports and Field Studies of the Institute of the History of Material Culture]. Vol. 48. Moscow; Leningrad: USSR AS. pp. 93–102.
7. Chernetsov, V.N. & Moshinskaya, V.I. (1951) *Gorodishche Bol'shoi Log* [Bolshoy Log Settlement]. In: *Kratkie soobshcheniya o dokladakh i polevykh issledovaniyakh instituta istorii material'noy kul'tury* [Brief Reports and Field Studies of the Institute of the History of Material Culture]. Vol. 37. Moscow; Leningrad: USSR AS. pp. 78–87.

8. Chernetsov, V.N. (1953) Ust'-Poluyskoe vremya v Priob'e [The Ust-Polui time in the Ob region]. In: Chernetsov, V.N., Moshinskaya, V.I. & Talitskaya, I.A. (1953) *Drevnyaya istoriya Nizhnego Priob'ya* [Ancient History of the Lower Ob]. Moscow: USSR AS. pp. 221–241.
9. Troitskaya, T.N. (1979) *Kulayskaya kul'tura v Novosibirskom Priob'e* [The Kulay Culture in the Novosibirsk Ob Region]. Novosibirsk: Nauka.
10. Chindina, L.A. (1984) *Drevnyaya istoriya Srednego Priob'ya v epokhu zheleza* [Ancient History of the Middle Ob Region in the Iron Age]. Tomsk: Tomsk State University.
11. Shirin, Yu.V. (2003) *Verkhnee Priob'e i predgor'ya Kuznetskogo Alatau v nachale 1 tys. n.e. (pogrebal'nye pamyatniki fominskoy kul'tury)* [Upper Ob and foothills of the Kuznetsk Alatau at the beginning of the 1st millennium AD (funeral monuments of the Fominsk culture)]. Novokuznetsk: Kuznetskaya krepost'.
12. Kazakov, A.A. (2014) *Odintsovskaya kul'tura Barnaul'sko-Biyskogo Priob'ya* [The Odintsovo culture of the Barnaul-Biya Ob region]. Barnaul: Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
13. Grigorov, E.V. & Kazakov, A.A. (2018) *Barnaul'sko-Biyskoe Priob'e v 1–12 vv. (po dannym pogrebal'nogo obryada)* [Barnaul-Biya Ob area in the 1st–12th centuries (according to the funeral rite)]. Barnaul: Altai State University.
14. Tishkin, A.A. & Gorbunov, V.V. (2012) Pogrebeniya kulayskoy kul'tury na pamyatnike Karmatskiy v Barnaul'skom Priob'e [Burials of the Kulai culture at the Karmatsky site in the Barnaul Ob region]. In: Molodin, V.I., Konoplina, N.V. & Glushkova, T.N. *Igor' Gennadievich Glushkov*. Vol. 3. Khanty-Mansiysk: Pechatnyy mir g. Khanty-Mansiysk. pp. 102–109.
15. Glushkov, I.G. (2011) Veshchi glazami M.P. Gryaznova [Things through the eyes of M.P. Gryaznov]. In: *Igor' Gennad'evich Glushkov*. Vol. 2. Surgut: SurSPU. pp. 82–93.
16. Abdulganeev, M.T. (2001) Fominskiy kompleks poseleniya Malyy Itkul'-1 [The Fominsky complex of the settlement Maly Itkul'-1]. In: Kiryushin, Yu.F. (ed.) *Problemy izucheniya drevney i srednevekovoy istorii* [Problems of Studying Ancient and Medieval History]. Barnaul: Altai State University. pp. 103–110.
17. Shamshin, A.B. & Kazakov, A.A. (1992) Avariynye arkheologicheskie raskopki v Tal'menskom rayone [Emergency archaeological excavations in the Talmenka district]. In: *Problemy sokhraneniya, ispol'zovaniya i izucheniya pamyatnikov arkheologii* [Problems of Preservation, Use and Study of Archaeological Monuments]. Gorno-Altaysk: [s.n.]. pp. 61–62.
18. Shirin, Yu.V. (2004) On early Kulai sites of the Upper Ob's basin region. *Rossiyskaya arkheologiya – Russian Archeology*. 2. pp. 51–61. (In Russian).
19. Kazakov, A.A. (2016) K arkheologicheskoy karte Biyskogo rayona i verkhov'ev r. Obi [To the archaeological map of the Biysk Region and the upper reaches of the Ob]. In: Tishkin, A.A. (ed.) *Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altayskogo kraya* [Preservation and Study of the Cultural Heritage of the Altai Territory]. Vol. 22. Barnaul: Altai State University. pp. 109–116.
20. Kazakov, A.A. & Kungurov, A.L. (1993) Kompleks gorodishch okolo Biyska [The complex of ancient settlements near Biysk]. In: Kiryushin, Yu.F. & Shamshin, A.B. (eds) *Kul'tura narodov evraziyskikh stepey v drevnosti* [The Culture of the Peoples of the Eurasian Steppes in Antiquity]. Barnaul: Altai State University. pp. 219–231.
21. Kazakov, A.A. & Abdulganeev, M.T. (1994) Lesostepnoy Altay [The forest-steppe Altai]. In: *Etnokul'turnaya istoriya Zapadnoy Sibiri* [Ethnocultural History of Western Siberia]. Vol. 1. Tomsk: Tomsk State University. pp. 331–333.
22. Borodaev, V.B. & Gorbunov, V.V. (1993) Troitsk-1 – novoe poselenie kulayskoy kul'tury na levoberezh'e Barnaul'skogo Priob'ya [Troitsk-1 – a new settlement of the Kulai culture on the left bank of the Barnaul Ob region]. In: *Okhrana i izuchenie kul'turnogo naslediya Altaya* [Protection and Study of the Cultural Heritage of Altai]. Vol. 2. Barnaul: Altai State University. pp. 183–189.
23. Kazakov, A.A. (2016) Materialy 1 tysyacheletiya so sborov u s. Fominskogo [Materials of the 1st millennium from the collections from the village Fominsky]. In: Tishkin, A.A. & Semibratov, V.P. (eds) *Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altayskogo kraya* [Preservation and Study of the Cultural Heritage of the Altai Territory]. Vol. 22. Barnaul: Altai State University. pp. 116–121.
24. Saybert, V.O. (2017) Rezul'taty arkheologicheskoy razvedki v Tal'menskom rayone Altayskogo kraya v 2016 g. [The results of archaeological exploration in the Talmenka district of the Altai Territory in 2016]. In: Tishkin, A.A. & Semibratov, V.P. (eds) *Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altayskogo kraya* [Preservation and Study of the Cultural Heritage of the Altai Territory]. Vol. 23. Barnaul: Altai State University. pp. 44–48.
25. Abdulganeev, M.T. & Kazakov, A.A. (1994) Poselenie Chudatskaya Gora [Chudatskaya Gora Settlement]. In: Kiryushin, Yu.F. (ed.) *Paleodemografiya i migratsionnye protsessy v Zapadnoy Sibiri v drevnosti i srednevekov'e* [Paleodemography and Migration Processes in Western Siberia in Ancient Times and the Middle Ages]. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 1994. pp. 111–115.
26. Arsenieva, T.M. (1984) Pogrebal'nyy obryad [Funeral rite]. In: Koshelenko, G.A., Kruglikova, I.T. & Dolgorukov, V.S. (eds) *Antichnye gosudarstva Severnogo Prichernomor'ya* [Antique states of the Northern Black Sea region]. Moscow: Nauka. pp. 222–224.
27. Alekseeva, E.M. (1984) Busy i podveski [Beads and pendants]. In: Koshelenko, G.A., Kruglikova, I.T. & Dolgorukov, V.S. (eds) *Antichnye gosudarstva Severnogo Prichernomor'ya* [Antique states of the Northern Black Sea region]. Moscow: Nauka. pp. 237–239.
28. Vadetskaya, E.B. (1999) *Tashtykская эпоха в древней истории Сибири* [The Tashtyk epoch in the ancient history of Siberia]. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie.
29. Gening, V.F. (1988) *Etnicheskaya istoriya Zapadnogo Priural'ya na rubezhe nashey ery (p'yanoborskaya epokha 3 v. do n.e. 2 v. n.e.)* [Ethnic history of the Western Urals at the turn of our era (The Pyanobor era in the 3rd century BC – the 2nd century AD)]. Moscow: Nauka.
30. Golubeva, L.A. (1979) *Zoomorfnye ukrasheniya finno-ugrov* [Zoomorphic ornaments of the Finno-Ugric peoples]. Moscow: Nauka.
31. Chindina, L.A. (1991) *Istoriya Srednego Priob'ya v epokhu rannego Srednevekov'ya (relinskaya kul'tura)* [History of the Middle Ob region in the early Middle Ages (the Relka culture)]. Tomsk: Tomsk State University.
32. Borodovskiy, A.P. (2018) Pogrebal'noe prostranstvo v kontekste politkul'turnosti (po materialam Bystrovskogo nekropolia epokhi rannego zheleza na Verkhney Obi) [The burial space in the context of political culture (based on the materials of the Bystrovka necropolis of the Early Iron Age on the Upper Ob)]. In: Nosov, E.N. (ed.) *Drevnie nekropoli – pogrebal'no-pominal'naya obryadnost', pogrebal'naya arkhitektura i planirovka nekropoley* [Ancient necropolises — funeral and memorial ritualism, architecture and planning of necropolises]. St. Petersburg: Institute of the History of Material Culture RAS, The State Hermitage. pp. 123–134.
33. Moshinskaya, V.N. (1953) Material'naya kul'tura i khozyaystvo Ust'-Poluya [Material culture and economy of Ust-Poluy]. In: Chernetsov, V.N. et al. *Drevnyaya istoriya Nizhnego Priob'ya* [Ancient History of the Lower Ob region]. Moscow: USSR AS. pp. 72–106.
34. Fedorova, N.V. (2009) Antropomorfnye izobrazheniya Ust'-Poluya [Anthropomorphic images of Ust-Poluy]. *Trudy Kamskoy arkheologo-etnograficheskoy ekspeditsii*. 6. pp. 171–176.
35. Gusev, An.V. (2016) Iz glubiny vekov: svyatilishche Ust'-Poluy i zhiteli subarktiki [From the depths of centuries: the Ust-Poluy sanctuary and the inhabitants of the Subarctic]. *Kholodok*. 1(14). pp. 59–65.
36. Troitskaya, T.N. & Novikov, A.V. (1998) *Verkhneobskaya kul'tura v Novosibirskom Priob'e* [The Upper Ob culture in the Novosibirsk Ob region]. Novosibirsk: SB RAS.
37. Mogilnikov, V.A. (1987) Kul'tury lesnogo Zaural'ya 7 – 13 vv. Potchevashskaya kul'tura [Cultures of the forest Trans-Urals in the 7th – 13th centuries. The Potchevash culture]. In: Sedov, V.V. (ed.) *Finno-ugry i baly v epokhu srednevekov'ya* [Finno-Ugric peoples and Balts in the Middle Ages]. Moscow: Nauka, 1987. pp. 183–193. (Arkheologiya SSSR).
38. Botalov, S.G. & Gutsalov, S.Yu. (2000) *Gunno-sarmaty Uralo-Kazakhstanskikh stepey* [Hunno-Sarmatians of the Ural-Kazakhstan steppes]. Chelyabinsk: Rifev.
39. Matveeva, N.P. (2016) *Zapadnaya Sibir' v epokhu Velikogo pereseleniya narodov: (problemy kul'turogeneza po dannym pogrebal'nykh pamyatnikov)* [Western Siberia in the era of the Great Migration of Peoples: (problems of cultural genesis according to burial monuments)]. Tyumen: Tyumen State University.

Сведения об авторе:

Казаков Александр Альбертович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и философии Барнаульского юридического института МВД России (Барнаул, Россия). E-mail: kaa-2862@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Kazakov Alexander A. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History and Philosophy of the Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Barnaul, Russian Federation). E-mail: kaa-2862@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 19.01.2019; принята к публикации 05.07.2022

The article was submitted 19.01.2019; accepted for publication 05.07.2022